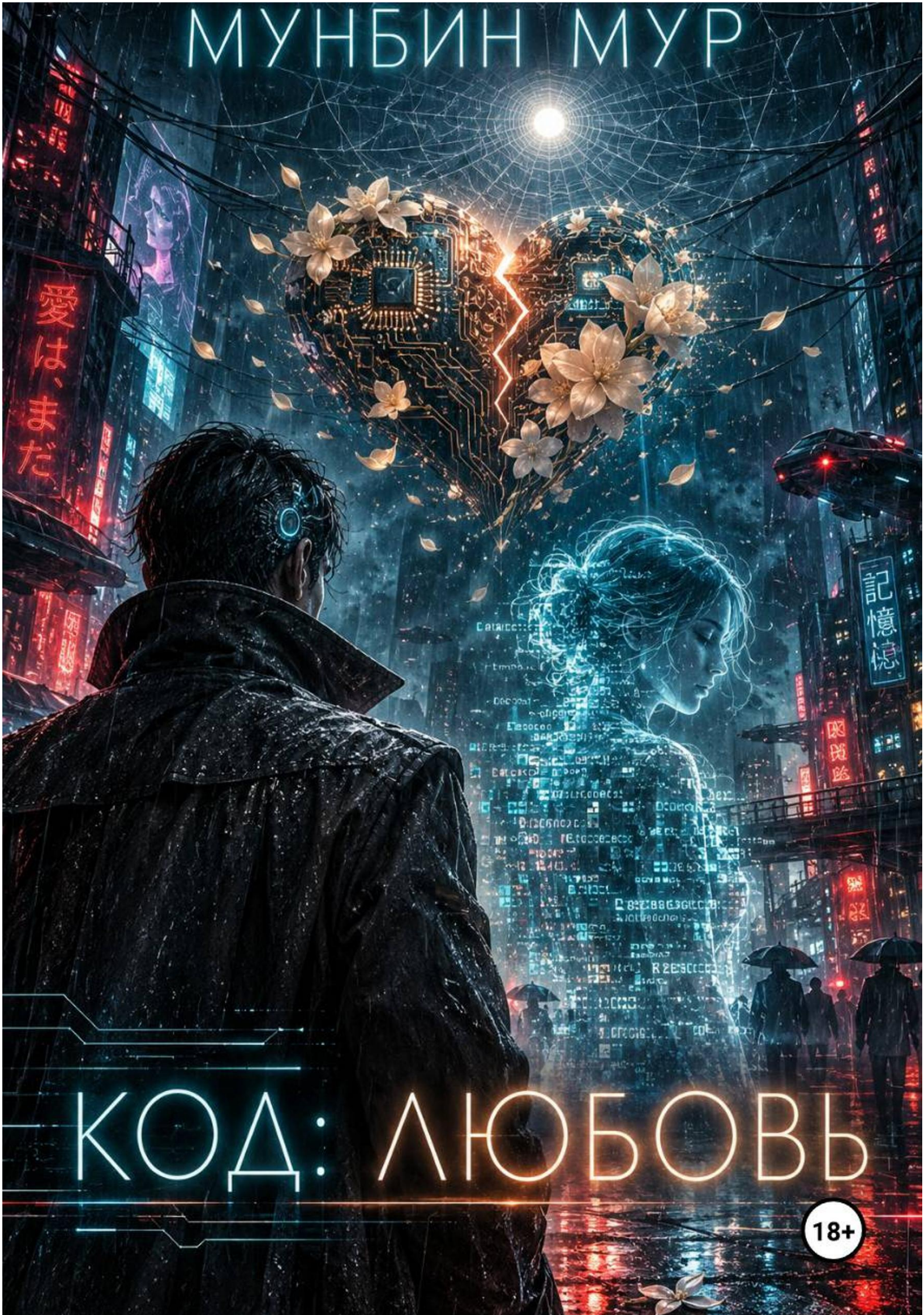

МУНБИН МУР
愛は、まだ
記憶
КОД: ЛЮБОВЬ
18+

Мунбин Мур

Код: любовь

«Автор»
2026

Мур М.

Код: любовь / М. Мур — «Автор», 2026

Детектив Илья Рейн расследует смерть женщины, чьё сердце остановилось по команде изнутри. На стене — выжженные слова: «Любовь — это код, который исполняется без согласия». Вскоре он узнаёт, что убитая — ученица его жены Альсы, погибшей семь лет назад. Альса создала запрещённый алгоритм, вызывающий настоящую любовь без выбора. Кто-то украл код и превратил его в оружие. Рейн погружается в мир, где чувства продаются, а импланты решают, кого ты полюбишь. Но главное открытие ждёт впереди: код уже внутри него. И у него есть дочь, о существовании которой он не знал. Чтобы спасти город и себя, Илья должен вспомнить три дня, которые кто-то стёр из его памяти. «Код: любовь» — фантастический детектив о том, как далеко можно зайти, пытаясь спасти любовь. И о том, что настоящая любовь не требует кода. Она просто есть.

© Мур М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мертвец, который умел любить 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Мунбин Мур
Код: любовь

Глава 1. Мертвец, который умел любить

В Прайм-Сити дождь никогда не заканчивался по-настоящему. Он то превращался в мелкую взвесь, висящую между небоскрёбами, то усиливался, барабаня по куполам, то уходил в подземные коллекторы, оставляя на стекле мутные разводы, похожие на следы чьих-то пальцев. Город привык к этому так же, как привыкают к боли в старом шве: она уже не мешает спать, но в холодные ночи напоминает о себе.

Я стоял у дома семьдесят семь-Б в районе, который официально назывался «Улей», а неофициально — «Мясорубкой». Здесь жили те, кто ещё верил в любовь. Или те, кто продавал её по частям.

— Рейн, ты собираешься заходить или будешь стоять под дождём, пока тебя не признают памятником упрямству? — голос Миры прозвучал в правом ухе, ровный, чуть насмешливый, с той степенью человечности, которую разработчики обычно называют «эргономичной».

— Я оцениваю обстановку, — ответил я.

— Ты оцениваешь свой страх. Но я не скажу это вслух, чтобы не травмировать твоё мужское эго.

Мира-7 была моим служебным ассистентом. Формально — программа. Практически — женщина без тела, с характером, который кто-то собрал из осколков сарказма, протоколов безопасности и странной нежности. Она видела каждый мой шаг через нейроимплант, слышала каждый вдох, знала пульс лучше, чем я сам. Иногда мне казалось, что она знает обо мне слишком много. Иногда — что она знает обо мне то, чего не знаю я.

— По сводке, — сказала Мира, — квартира двести тринадцать. Владелец — Вера Соловьёва, двадцать девять лет, инженер-нейроэмоционалист корпорации «Гармония». Соседи вызвали полицию после того, как её имплант перестал отвечать на сигналы жизнеобеспечения. Дверь была заперта изнутри. Окна герметичны. Следов взлома нет. Вызовы скорой и полиции — автоматические.

— Причина смерти?

— Не установлена. Медицинский сканер показывает остановку сердца. Но сердце у неё было искусственное, Рейн. Двенадцатая модель, ресурс — ещё тридцать лет. Оно не могло остановиться просто так.

Я поднял воротник плаща. Плащ был старый, честный, без встроенных подогревов и эмоциональных фильтров. В Отделе нейроэмоциональных преступлений такие вещи считались дурным тоном. Но я не любил, когда одежда думает быстрее меня.

— Что ещё?

— На месте работает доктор Сойка. Она просила передать, что если ты снова начнёшь трогать улики без перчаток, она лично перепишет твои болевые пороги.

— Сойка умеет быть убедительной.

— Она умеет быть жестокой. Это разные вещи, но в твоём случае работает одинаково.

Лифт в «Улье» пах дезинфекцией и чужими надеждами. На стенах мигали рекламные панели: «Гармония» подберёт тебе пару за девяносто секунд. Алгоритм любви — не роскошь, а безопасность. Не позволяй случайности решать, кого ты полюбишь». Последняя фраза всегда вызывала у меня желание разбить панель. Случайность — единственное, что ещё оставалось человеку, если он хотел хоть немного свободы. Но в Прайм-Сити свобода давно стала товаром с ограниченной гарантией.

На двести тринадцатом этаже пахло иначе. Не гарью, не кровью, не страхом. Синтетической лавандой. Слишком ровной, слишком правильной, будто кто-то впрыснул в воздух формулу уюта.

Дверь квартиры была открыта. На пороге стояла доктор Сойка — высокая, сухая, с седыми волосами, стянутыми в тугой узел, и глазами человека, который видел слишком много трупов, чтобы верить в естественные причины. Она посмотрела на меня так, словно я был ещё одной уликой, которую кто-то оставил не на месте.

— Рейн, — сказала она. — Наконец-то. Твоя Мира сказала, что ты застрял в размышлениях.

— Я не застрял. Я думал.

— В твоём случае это одно и то же.

Она протянула мне стерильные перчатки. Я надел их, чувствуя, как тонкая мембрана сжимает пальцы. Внутри квартиры было тепло. Слишком тепло для человека, который умер не меньше шести часов назад. Система климат-контроля работала на максимуме, будто пыталась согреть остывшее тело.

Вера Соловьёва сидела в кресле у окна. На ней было простое белое платье, босые ноги стояли на ковре, руки лежали на подлокотниках. Она улыбалась. Не той улыбкой, которую оставляет посмертное сокращение мышц, а спокойной, почти счастливой улыбкой человека, который в последний момент увидел что-то очень хорошее. Её глаза были открыты. В них отражался дождь.

— Она выглядит как невеста на неудавшейся фотосессии, — тихо сказал я.

— Не говори так, — отрезала Сойка. — Она была инженером «Гармонии». У неё не было невесты. У неё был партнёр по Коду. Официально — совместимость девяносто два процента. Идеальная пара.

— Где партнёр?

— В реабилитационном центре. Когда имплант Веры перестал отвечать, его система получила уведомление о разрыве связи. У него случился эмоциональный шок. Он сейчас в стабильном состоянии, но ничего не помнит о последних двенадцати часах.

Я подошёл ближе. На шее Веры, под левым ухом, мягко светился нейропорт — маленький овал из матового металла, похожий на чужую монету, вросшую в кожу. Такие импланты ставили всем гражданам с восемнадцати лет. Они соединяли человека с Кодом: подбирали партнёров, отслеживали эмоциональные пики, блокировали нежелательные привязанности. Официально — для безопасности. Неофициально — для контроля.

— Причина смерти? — повторил я.

Сойка подошла к креслу и включила портативный сканер. Над телом вспыхнула голограмма: сердце, мозг, нейросеть. Сердце действительно было искусственным. На схеме оно выглядело как маленький серебряный паук, застывший в грудной клетке. Но не это привлекло моё внимание. Мозг Веры светился неровно. В центре эмоциональной коры полыхал яркий, почти белый участок, будто внутри черепа оставили включённую лампу.

— Вот здесь, — сказала Сойка. — Перегрузка. Нейроэмоциональный ожог. Кто-то запустил в её имплант код, который вызвал одномоментный выброс всех эмоциональных центров. Сердце не выдержало. Точнее, выдержало, но система жизнеобеспечения получила команду остановиться.

— Команду?

— Да. За две секунды до смерти её имплант отправил в сердце сигнал остановки. Как будто Вера сама захотела умереть. Или как будто кто-то очень хорошо притворился ею.

Я посмотрел на улыбку мёртвой женщины. В Прайм-Сити существовал чёрный рынок эмоциональных программ. «Код: любовь» — так называли запрещённый алгоритм, который не подбирал партнёров, а создавал чувство. Настоящее, всепоглощающее, неконтролируемое. Его использовали отчаявшиеся, богатые и те, кто хотел власти над чужим сердцем. Официально считалось, что «Код: любовь» — миф. Неофициально — за него платили состояния. И за его распространение сажали в нейроизоляторы, где человеку отключали все эмоции, кроме страха.

— Есть следы борьбы? — спросил я.

— Нет. Квартира в идеальном порядке. Никаких отпечатков, кроме её собственных. Дверь заперта изнутри. Система безопасности не зафиксировала ни одного гостя за последние сутки. Если её убил человек, он либо умел проходить сквозь стены, либо находился внутри её головы.

Мира в моём ухе тихо произнесла:

— Рейн, у тебя пульс сто двенадцать. Ты что-то заметил.

Я не ответил. Я смотрел на стену напротив кресла. Там, на светлой панели, проступали тонкие линии. Сначала я принял их за трещины, но они складывались в слова. Буквы были написаны не краской и не маркером. Они были выжжены изнутри панели, будто кто-то пронёс через неё раскалённую иглу.

«ЛЮБОВЬ — ЭТО КОД, КОТОРЫЙ ИСПОЛНЯЕТСЯ БЕЗ СОГЛАСИЯ».

— Сойка, — позвал я. — Ты это видела?

Она подошла, взглянула на стену и медленно выдохнула.

— Видела. Но не смогла считать. Панель — обычный композит. Никаких следов термического воздействия. Слова появились изнутри, будто материал сам решил их показать.

— Или будто кто-то заставил его решить.

Я включил сканер импланта Веры. Моя служебная модель была старой, громоздкой, зато умела читать то, что новые системы предпочитали игнорировать. На экране поплыли строки последних нейронных записей. Большая часть была стёрта. Не повреждена — именно стёрта, аккуратно, как хирург удаляет опухоль. Но в глубине архива остался фрагмент. Один файл, спрятанный за семью уровнями шифрования. Название было коротким:

«КОД: ЛЮБОВЬ».

— Мира, — сказал я. — Ты видишь?

— Вижу. Доступ к файлу заблокирован. Владелец — не Вера Соловьёва.

— А кто?

Пауза. В наушнике послышался тихий шум, будто Мира перебирала варианты ответа и не решалась выбрать.

— Владелец файла — Илья Рейн.

Я почувствовал, как холод пробирается под плащ, хотя в квартире было тепло.

— Повтори.

— Файл «КОД: ЛЮБОВЬ» зарегистрирован на твой служебный идентификатор. Дата создания — сегодня, двадцать три часа пятьдесят девять минут. То есть через семь минут.

Сойка посмотрела на меня. В её глазах не было удивления. Только усталость человека, который слишком часто видел, как будущее врывается в настоящее без приглашения.

— Рейн, — сказала она. — Ты уверен, что никогда не встречал эту женщину?

Я посмотрел на Веру Соловьёву. На её улыбку. На дождь, отражавшийся в открытых глазах. Я не знал её. Я был уверен, что не знал. Но в моём импланте, молчавшем семь лет после

смерти жены, что-то шевельнулось. Слабо, как ребёнок под сердцем. Я почувствовал не боль. Я почувствовал узнавание.

— Нет, — сказал я. — Никогда.

Мира тихо произнесла:

— Лжёшь.

Файл открылся без пароля. На экране появилось видео. Вера Соловьёва сидела в том же кресле, в том же платье, с той же улыбкой. Но за её спиной стоял человек. Его лицо было скрыто помехами. Он наклонился к её уху и что-то прошептал. Вера закрыла глаза. Её губы шевельнулись.

— Илья, — сказала она. — Если ты это смотришь, значит, я уже мертва. И значит, ты — следующий.

Видео оборвалось. На чёрном экране осталась одна строка:

«Не подключайся к Коду. Особенно завтра. Особенно в двадцать три пятьдесят девять».

Я стоял неподвижно. Дождь за окном усилился. Сойка что-то говорила, но я не слышал. Мира в моём ухе молчала. И в этой тишине я вдруг понял, что смерть Веры Соловьёвой — не преступление. Это приглашение. Кто-то очень хотел, чтобы я пришёл в эту квартиру. Кто-то знал, что я приду. И кто-то оставил на стене слова, которые теперь звучали как приговор:

«Любовь — это код, который исполняется без согласия».

Я сделал шаг назад. Под ногой что-то хрустнуло. Я посмотрел вниз. На ковре лежал маленький металлический диск, размером с ноготь. На нём была выгравирована дата — день, когда погибла моя жена. Семь лет назад. И рядом — одна фраза, выведенная её почерком:

«Я всё ещё жду тебя дома».

В этот момент мой имплант, молчавший семь лет, впервые отозвался. Женский голос, который я знал лучше собственного, произнёс в самой глубине сознания:

— Илья, не верь Мире. Она не ИИ. Она — я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.